

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА АРЕФЬЕВА

ОН БЫЛ СРЕДИ НАС

/памяти Александра Арёфьева/

5 мая в Париже умер замечательный художник Александр Арёфьев. Он умер в городе, к которому он стремился в течение почти всей своей жизни. Валентин Катаев, случайный спутник прославленных светил, в повести "Алмазный мой венец" помещает друзей своей молодости— Пастернака, Мандельштама, Есенина, Булгакова, Олешу, Хлебникова в парижском парке Монсо, куда они стремились в своей ностальгии по обетованной земле творчества. Но думается, что только на российской почве они могли стать теми, кем стали. Эта почва прибавляет к земле все слабое, но сильное — становится сильнее, развивает силу сопротивления. Поэтому пересадка на другую, более благодатную почву, часто взрывает духовную структуру тех, кто вырос здесь...

Я думаю, что и в Вене и в Париже он был все в том же своем неизменном свитере, такой же крепкий и по-южному смуглый. В нем что-то было от марсельца или одесита, но он не выделялся бы и среди кахетинских виноградарей, архангельских бичей или одесских биндюжников. И все же он выделялся. Кто не помнит его спокойную радужную улыбку, которая могла смениться вспышкой яростного гнева, когда сквозь сеть самых логичных построений он пробивался к той правде, которую нес всегда в себе. А потом вновь та же обольстительная улыбка, которая покоряла всех.

Мне помнится Арёфьев на выставке в клубе "Эврика", в накаленной атмосфере зала. Художники на эстраде, а из зала кто-то упорно задает авангардистам провокационные вопросы: "А где этическое в ваших работах?", "Почему вы изображаете задворки?". И еще один: "А что вы сделали для XXV съезда партии?" Некоторые художники махали рукой и исчезали со сцены. И тут вперед вышел Саша и несколько раз прошелся вдоль сцены. Зал затих в напряженном ожидании. Вдруг Арёфьев повернулся к публике и улыбнулся так, как мог улыбаться только он— широко и щедро, и

будто бы протянул всем руку: "Да о чем спор, ребята! Вот это все— наше,— широкий жест на стены, увешанные холстами,— всем, Родине!" Зал взорвался аплодисментами и словно ряды придвинулись ближе к сцене. Далее начался разговор-беседа, каких было мало в мой памяти. Арефьеву было свойственно преобразовать ^{все} вокруг себя. Он был художником в полном смысле этого ответственного слова.

Помню, я как-то оказался в рабочем квартале: брандмауэры, пыльная заплыванная зелень, пивной ларек с серенькими фигурками. И вдруг вижу Сашу с кружкой в руке— иди сюда! — Опять этот радушный широкий жест. Мы отошли с кружками в сторону. Я надеялся с ним поговорить, но не тут-то было— присоединились завсегдатаи этих мест, Арефьев был среди них своим. Кто-то принес "портвяшку", разлили по кружкам. Уселись на каких-то бачках, из-под крышки одного из них свешивалось нечто похожее на хвост дохлой кошки. Но присутствие Саши преобразовало все вокруг, обретало насыщенность и значимость. А дохлая кошка? Она очень соответствовала этому сорокалетнему Тому Сойеру и приобретала ценность— разве нельзя ее выменять на превосходный мраморный шарик, который так отлично ложится в ладонь. И в пейзажах Александра Арефьева присутствует этот радушный взгляд человека, очень щедрого и любящего мир.

Я бы не поставил памятник Арефьеву в Париже в парке Монсе. Я бы его поставил около старого брандмауэра на боковой улочке, где он чувствовал себя как дома.

Замечательный русский художник Александр Арефьев— неотъемлемая часть ленинградского культурного движения, и его доминанта в 1950-60 гг.

М.П.

Анатолий Басин

1.

С Сашей Арёфьевым я познакомился 31 мая 1969 года
(на второй Козицкой выставке):

Они с Рихардом Васми пришли посмеяться над выставкой,
но вместо этого Рихард, мой старый знакомый
представил нас с Арехом друг другу.

Но если бы наше знакомство с ним

было бы и в два или даже в три раза продолжительнее
(мы встречались довольно часто—

моя мастерская была рядом с домами и Рихарда и Ареха)
я бы не знал Ареха.

2.

Ареха нельзя знать:

с ним надо вырасти вместе

и пройти становление собственной личности.

Это не знание Ареха,—

это Арех, Васми, Шварц,

при крайней индивидуальности и оригинальности
в жизни и живописи,

отчеканили личности друг друга.

Васми и Шварц, с одной стороны, и Арех

не принимают позиции друг друга.

Да Володя Шагин еще

(из известных нам художников)

вырос с ними.

Это был круг оригиналов, талантов и стилиг,

учившихся только друг у друга,

и тем самым противопоставивших себя

обывателям и обществу.

3.

"Когда я был маленький, я требовал от родителей
(после зоосада)

настоящего слона, только маленького

настоящий памятник Барклаю де Толли,

(сейчас-то его можно купить в магазине сувениров,
а тогда я громко ревел,
если мне не доставали слонов"...
..."увидеть объект, затрестись от него,
а изобразительные средства явятся сами".

4.

Все у Ареха зависело от образа жизни,
пока он придерживался собственной доктрины:
"Жизнь нужна нам самим, нашей компании,
ее надо прятать от других".
И это был лучший его творческий период
и наиболее плодотворный.
После второго лагерного срока
Саша нашел иной образ реализации живописи,
решив выставляться и даже продавать живопись,
обратившись во внешнюю культуру,
нашел образец (Филонова) не только вне себя,
но и вне своей компании.

5.

И эти ребята искусственно создавали дзеновскую ситуацию
и, действительно, действием данным создавая вариант жизни
в пограничной области жизни и смерти.

6.

Живопись— их образ жизни.
Живопись— состояние моего ума.

7.

Их практика (образа жизни)
к теориям Сидлина (о жизни художника)
основательно впечатлила меня.

8.

этой группы
психотехника обучения по дзен-

в данной (смертельно опасной) искусственно созданной
ситуации:

полностью не напряжешь психику-

- не поступишь единственно возможным путем
(только для тебя от природы естественным)
поступишь как все-
- погибнешь.

Напряжение психики дает творческий подъем,
раскрывая духовные силы.

Еще не раскроешь свои духовные возможности-
все равно погибнешь, уже как личность.

9.

Сын своих родителей,
я учился один в мастерской у учителя
ясной традиции,
их ордена учитель-

"кессонная злая болезнь"

"дворового колодца- бетонного кессона".

- мостовые призрака белых ночей.

10.

ОНИ- это Арех (в первую очередь),

Этот метод в их природе

- от напряжения своей психики страстной жизнью объектов.

Владимир Визерман

"Это было его большой ошибкой"

Самое общее впечатление от Саши Арефьева — глубоко порядочный, тонкий, с индивидуальной жизненной позицией человек. Он был интеллигентом в полном смысле этого слова, не показным, а по самой своей сути. Так получилось, что в Москве мы оказались в непосредственном ежедневном контакте, когда делать было нечего и мы много говорили. Это продолжалось дней десять и тогда передо мной предстал иной Саша Арефьев, нежели тот, каким я его знал по разным встречам в Ленинграде. Тот жизненный заряд, которым он обладал и который выливался в острые, колкие, напряженные по пластике картины, здесь вылились в сопоставимые с ними устные рассказы-зарисовки. Он был ограничен в своем творчестве. Из рассказов стало ясно, какую жизненную школу он прошел. Особенно запомнились ~~эти~~ рассказы о лагерях и то, что он там пережил. Достаточно ~~его~~ заключительной фразы: "В третий раз я бы уже не выдержал". После ~~этих~~ рассказов понятней стали образы, которые населяли его картины. Мне была симпатична его принципиальная позиция в отношениях с людьми, художниками. Памятен его отказ от участия в выставке в "Невском" в знак солидарности с недопущенными к участию художниками.

Он был довольно самокритичен к себе. Как-то зашел разговор о выпивке. Я сказал ему, "Тебе стоило бы пить меньше". На это он растерянно и с сожалением ответил: "Не могу"... И это был приговор себе, который не каждый сумеет произнести. Он верил во вдохновение, в "Болдинские осени", считая необъяснимым, полную потерю чувства оценочности (хорошо, плохо) в иные времена. Примеры его доброты и бескорыстия многочисленны. Один из них — подарок Сычевым около двухсот листов графики, созданных в течение почти ~~что~~ двадцати лет.

Свои работы он дарил с видимым удовольствием и с

юмором рассказывал, как у него выуживали холсты знакомые и друзья. С ним было легко и приятно общаться, что по-видимому способствовало тому, что вокруг него собирался народ самый различный и интересный.

Он был суть от сути художник ленинградский, стоявший у истоков движения 60-х годов, как один из наиболее самостоятельных, и оказавший на многих заметное влияние своим творчеством. Его отъезд на Запад считал и считаю роковой ошибкой, стоившей ему жизни и прервавшей его творческий путь, который в последние годы имел явный подъем.

ИЗ РАССКАЗОВ ОБ АРЕФЬЕВЕ

После того, как было составлено письмо к властям /это было на общем собрании художников/, из дальнего угла комнаты раздался крик Александра Арёфьева:

- Я первый подпишусь!
- Почему ты первый?— заволновались многие.
- Потому что я на букву "А"!

В середине 60-х годов Арёфьев битничал, покидал дом на несколько дней, а то и недель. Он водил компании с алкоголиками, с проститутками, ночевал в подвалах и на кладбищах. Он стремился постичь жизнь тех, кто находился на самом низу социального дна.

Саша, как немногие любил детей. Он приходил к нам и между ним и нашей дочерью разыгрывались фантастические баталлии с визгом, воплями и хохотом. "Дохлятина"— орал Саша, "Орех"— вопила наша дочь.

Возня продолжалась часами и, наконец, Саша просил его куда-нибудь спрятать.

Арёфьев никогда не говорил о своем творчестве и также избегал говорить о чужом. Он никогда не искал "красоты", но старался найти душу и суть изображаемого. Он искал конструкцию вещи или явления, и не считал себя ограниченным в средствах.

О.К.